

ЕВГЕНИЙ КУДИМОВ

Третья рукопись Иоанна

Евгений Кудимов

Третья рукопись Иоанна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083929

ISBN 9785449052551

Аннотация

Роман «Третья рукопись Иоанна» является очередной дерзновенной попыткой автора представить в художественной форме на суд думающему читателю принципиально иной подход к видению и пониманию известных библейских образов и сцен, скрывающих в Священном Писании за мертвой плотью буквы, высшую Божественную мудрость.

Содержание

Часть 1. ЗАКОЛДОВАННЫЙ АНГЕЛ	5
Глава 1. ГОЛГОФА	5
Глава 2. ОСТРОВ ПАТМОС	10
Глава 3. ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ	18
Глава 4. КУРСКАЯ ДУГА	25
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Третья рукопись Иоанна

Евгений Кудимов

© Евгений Кудимов, 2018

ISBN 978-5-4490-5255-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга посвящается тем людям, кто в повседневной жизненной суматохе хотя бы иногда находит время для того, чтобы задуматься о смысле жизни, спасении собственной души и о Боге

Автор выражает слова признательности и благодарности родным и близким друзьям,

поддерживавшим его творческие изыскания:

– ушедшему в мир иной Евгению Полякову;

– ныне живущим на Земле: Александру Краснокутскому,

Александру Фарзалиеву,

Светлане Кудимовой и другим...;

– коллективу редакции: Олегу Вавилову, Елене Ниверт,

Илье Гиммельфарбу, Ирине Москаленко

Часть 1.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ АНГЕЛ

Глава 1. ГОЛГОФА

Гроза приближалась к Голгофе. Небо быстро затягивалось чёрными тучами; вспышки молнии всё чаще озаряли распятие тела Спасителя и разбойников, неподвижно застывших на трёх крестах, установленных на самой вершине холма. Место казни давно опустело, но из сгущающейся темноты внезапно появились две фигуры, закутанные в длинные одеяния с капюшонами, которые молчаливо приблизились к среднему кресту и опустили на колени перед истерзанной плотью друга и Учителя.

Редкие огни засыпающего Иерусалима тускло мерцали за их спинами, создавая причудливые, сказочные тени на небольшой площадке Лобного места.

Воздух был пропитан вечерней жарой и влагой; становилось трудно дышать.

Наконец один из пришедших, Апостол Иуда, отвергнув взгляд, полный любви и грусти, от распятия и положив тонкую горячую руку на плечо самого молодого ученика Христа Иоанна, первым нарушил тишину:

– Вот и всё, друг мой. Всё свершилось по Божьей воле. Иисус ушёл к Отцу, оставив в этом мире лишь Свою плоть. И тайну этой плоти...

– Плоти Слова?

– Да, Иоанн, плоти Слова, распятой на кресте. Это и есть путь, указанный людям Богом...

– И плоть Слова будет вечно нуждаться в распятии, а Дух – в воскрешении. – Иоанн судорожно проглотил комочек, подступивший к горлу. – И ты первым познал эту тайну... Но ведь есть ещё и тайна тридцати сребреников...

– Я унесу её с собой. – Грустная улыбка озарила исхудавшее от бессонных ночей лицо избранного Апостола. – До определённых времён...

Голос его неожиданно дрогнул.

Иоанн, шагнув навстречу Иуде, порывисто обнял своего друга и наставника и прошептал ему на ухо дрожащим от волнения голосом:

– Пока я жив, ты всегда будешь в сердце моём, Иуда! Ты один из двенадцати, кому суждено было выпить до дна чашу деяния, истинный смысл которого скрыт от людей. Не всем оно по плечу. Ты избран Богом, и я горжусь тобой. Скорблю лишь от того, что имя твоё будет проклято на века...

Иуда прервал его: «Так надо, Иоанн. Лучше быть проклятым на Земле, чем на небесах. Тайна тридцати сребреников уже в действии. Храни её от внешних людей до нужного срока. Обещай мне это. Слышишь?»

– Я всё исполню, как ты скажешь, Иуда. Только теперь я понял, что ты не только любимый ученик Господа, но и...

– Ни слова больше, юноша! Время коротко! Так говорил Учитель... Я знаю, что мы скоро встретимся с тобой. Но, перед тем как уйти, я хочу передать тебе кое-что... – С этими словами Иуда протянул ему завёрнутый в кусок холста свёрток.

– Это моё Евангелие. – Он задумался на мгновение. – Я вижу, что рукописи этой Провидением уготовлена необычная судьба, но да свершится воля Отца Нашего. Переведи её на язык эллинов, а саму рукопись уничтожь. Истолкование же Евангелия напиши отдельно, третьей рукописью, но береги её от сторонних глаз...

Взяв свёрток в руки, Иоанн молвил твёрдо, взглянув на Иуду чистыми глазами:

– Можешь не сомневаться во мне...

– Хорошо, мне пора уходить. Пусть сбудется сказанное пророком: «Проклят всяк висящий на древе!» – С этими словами Иуда посмотрел на крест Иисуса и изрёк, обращаясь к Учителю, словно Он стоял между ними: – Твоя земная участь не лучше моей, Иисус. Люди будут читать букву Божественного учения и поклонятся Твоей плоти, позабыв о Духе. И вечного, живого Сына Бога превратят в идола...

Яркая вспышка молнии освятила лицо последнего Апостола Истины, и Иоанн увидел застывшие на нём слёзы.

Затем страшный грохот расколол небесные своды, и по гу-

бам Иуды самый молодой ученик Христа понял, что тот повторяет ту единственную молитву, которой учил своих последователей пришедший на Землю во плоти Божий посланник: «Отче Наш Сущий на небесах...»

Закончив молиться, Иуда повернулся к Иоанну, обнял его за плечи и, прямо глядя в глаза, произнёс: «скажи братьям, чтобы остерегались слуг Сатаны и николаитов. Они будут преследовать тебя и твоих учеников. Но не бойтесь, пребывайте в свете, и они не смогут причинить вам вреда. Их легко можно будет распознать по лишённым Духа Святого словам, обращённым в мёртвую букву. Прощай, Иоанн».

Иуда сделал несколько шагов в сторону и будто растворился в темноте.

Иоанн молча стоял перед распятием Христа, бережно прижимая к груди драгоценный свёрток и о чём-то печально размышляя.

Слёзы катились по его впавшим от переживаний и бессонницы щекам.

Завывания ветра постепенно переросли в непрерывный гул и вой, и небо, будучи не в силах сдерживать в себе огромное количество воды, вдруг разразилось бешеным ливнем.

Но Иоанн, вмиг промокший до нитки, упорно стоял на своем месте посреди

небесного водопада, освещаемым вспышками молний, дрожа всем телом от холода, и никуда не собирался уходить.

Он ждал.

И это произошло: ослепительно белый луч света прорвал покрывало туч и, конусообразно расширяясь вниз, внезапно накрыл вершину Голгофы. Дождь прекратился так быстро, как если бы кто-то там наверху одним резким движением повернул и закрыл огромный невидимый дождевой кран.

Ветер смолк, и звенящая тишина воцарилась вокруг Иоанна. Свет был таким нестерпимо ярким, что не сразу верный ученик Христа смог различить его в потоке уходя от распятия вверх белоснежные ступени.

Две фигуры, Иисуса и Иуды, появились на ступенях и стали медленно подниматься по ним, взявшись за руки. Несколькими ступеньками ниже за ними следовала фигура разбойника, уверовавшего в Спасителя в свой смертный час.

– Бог принял твою плату, Иуда! – радостно выкрикнул вслед уходящим Иоанн. – И я молю Создателя о том, чтобы в должное время Он принял от меня те же самые 30 сребреников!..

Подошедший Пётр с учениками застали Иоанна сидящим перед крестом Господа, лишённым Его тела. Пётр долго торموшил юношу, пытаясь услышать от него хоть слово. И наконец Иоанн сказал:

– Они ушли к Отцу. Оба. И оба вернуться. Две вечные жертвы. Знайте, чтобы воскрес Дух Слова, необходимо распять Его плоть...

Глава 2. ОСТРОВ ПАТМОС

90-е годы I века. Остров Патмос на юго-востоке Эгейского моря, место ссылки ученика Иисуса, Апостола Иоанна.

Морские волны жадно лизали край каменистого берега небольшого островка Патмос. Ветер осторожно и ласково, кончиками своих пальцев, перебирал пряди седых волос Иоанна и чёрные как смоль завитушки всклокоченных волос его преданного ученика Прохора. Иоанн, чуть вытянув вперёд натруженные от длительного хождения за день старческие ноги, сидел на обтёсанном волнами большом белом камне и говорил, медленно произнося слова, расположившемуся справа от него Прохору:

– «...И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами; на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою, и престол свой, и великую власть...» Всё ли ты записал, Прохор?

– Да, Учитель, я записал все твои слова.

– Хорошо, передохни немного и продолжим.

Прохор оторвал взгляд от бумаги и обратился к Иоанну:

– Учитель, я правильно понял, что дракон – это и есть великий змий или дьявол?

– Истинно так.

– А море – суть плотское воображение живущих на Земле людей?

– Да, и это верно.

Прохор округлил в изумлении глаза и понизил голос до шёпота:

– А вышедший из моря зверь – это плотский образ Христа, из которого человеческое воображение сотворило Бога?

– И Он воссядет в храмах выше Бога... А люди забыли, что вымысел идолов – начало блуда. Аминь! Продолжим, ученик.

– Учитель, прости мне моё любопытство, но позволь мне задать ещё один вопрос. Кто такие были николаиты, дела которых ненавидел Господь?

Иоанн внимательно посмотрел на Прохора и с небольшой паузой ответил:

– Николаиты были, есть и будут. Они среди нас, и придут позже нас, и дана им будет великая власть. Они сядут в блудилищах, построенных в центрах городов и на площадях. Люди будут приписывать им чудеса несотворённые...

Но знай... – он вновь помедлил, – что и они угодны Создателю, законы Которого они будут держать в руках до определённых времён...

Богослов загадочно улыбнулся: «Однако не будем забежать вперёд. Пусть сбудется во всём воля Господа Бога! Скоро ты всё поймёшь и сам. Пиши же далее, Прохор...»

– Я весь во внимании, учитель.

– «...И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелена. И дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю...»

– Учитель Иоанн! Учитель Иоанн! – внезапно донёсшийся до них крик прервал Иоанна на полуслове.

Вдоль берега, размахивая руками, бежал явно взволнованный слуга Мирона, тестя игемона Лаврентия, по имени Прокл. Юноша бы так чем-то напуган, что, подбежав к Иоанну и Прохору, не сразу смог начать свою речь.

– Ну-ну, успокойся и расскажи нам, что случилось. – Иоанн ободряюще похлопал Прокла по плечу.

– Мой господин просил передать вам, Учитель, что волны вынесли сегодня утром на берег недалеко от дома игемона бездыханное тело волхва Кинопса. Того самого, который страстно желал вашей смерти, господин, – всё ещё глотая слова, но понемногу успокаиваясь, выпалил Прокл.

– А смерть нашла его самого, – улыбнулся Прохор. – Вот почему сказано в Писании: «Не рой яму ближнему своему, сам в неё попадёшь».

– Видимо, так было угодно Богу. Я не питал зла к Кинопсу и не хотел его смерти. Бесовские чары, злоречие и ложь были явлены людям через его заблудшую душу, дабы они, вкусив горечь этой пищи, повернули своё лицо к Господу. Бедный Кинопс... – молвил Иоанн, поворачивая свой взор

к Проклу. – Что ещё просил тебя передать господин твой?

– Господин мой Мирон, как всегда, ждёт учителя Иоанна и его уважаемого ученика Прохора на обед и хочет познакомить вас со своей дочерью Хризапиной и игуменом Лаврентием, которые специально посетили наш дом для встречи с вами.

– Передай своему господину, что мы непременно будем.

Игемон Лаврентий был несказанно рад знакомству с Апостолом Иоанном, известным учеником Христа, и выказывал всяческую готовность оказывать ему любую поддержку на острове, в том числе и защиту от последователей Кинопса.

После обеда, уединившись с Прохором в саду у Мирона, густо заросшими

фруктовыми деревьями и цветами, Иоанн продиктовал ему под запись 13-ю главу Откровения, после чего прилёг в полном изнеможении отдохнуть на траву. Подремав некоторое время, он открыл глаза и обратился к лежащему рядом верному Прохору:

– Выслушай внимательно то, что я хочу поведать только тебе, мой друг и ученик. Силы постепенно оставляют меня, но я надеюсь, что мы успеем закончить работу над Откровением в ближайшее время...

Иоанн перевёл дух и продолжил: – Есть ещё один мой неисполненный долг перед Господом Богом. И я не могу уйти из этого мира, не исполнив завета, полученного мною на Голгофе. Сейчас ты зайдёшь в дом, найдёшь в моей ком-

нате в большой холщовой сумке три свёртка и принесёшь их мне. Затем один из свёртков, обвязанный кожаным ремешком, ты сожжёшь при мне в этом саду. Второй свёрток покрыт куском шёлка, в нём находится Евангелие о Христе, написанное...

Иоанн на мгновение задумался – ...любимым учеником Иисуса посредством Духа Святого. Ты прочтёшь его, вернёшь на место и сохранишь после моего ухода до нужных времён. Это Евангелие должны прочесть грядущие поколения людей. В третьем свёртке ключ к пониманию и Евангелия любимого ученика Иисуса, и Откровения. Прочти его, и спрячь от посторонних глаз в той самой пещере, где я впервые услышал глас Божий. Понимаешь, о чём я говорю?

Иоанн смахнул испарину ладонью со вспотевшего лба:

– Люди ещё не готовы вместить в себя Дух Слова, поэтому ознакомить с содержанием третьей рукописи дозволительно наших братьев во Христе и тех внешних людей, в которых ждёт своего часа заколдованный Ангел. Последних ты узнаешь по одному верному признаку... Наклонись ко мне поближе.

Прохор наклонился к лежавшему на земле Иоанну, и тот что-то прошептал ему на ухо.

– Я понял, Учитель. – Прохор поднялся на ноги. – Можно мне приступить к работе?

– Ступай, Прохор, и исполни в точности всё, что я тебе сказал.

Вечером того же дня, уложив Иоанна в кровать, Прохор доложил ему:

– Я выполнил твою просьбу, Учитель. Третья рукопись прочитана мною и спрятана в надёжном месте. Позволь пожелать тебе спокойной ночи. – Прохор заботливо поправил край покрывала и, затушив свечу, вышел из комнаты.

Войдя к себе в маленькую летнюю веранду, пристроенную к дому, Прохор подошёл к правой стенке, приложил к ней ухо и прислушался. Из-за стены соседней комнаты еле слышно доносилось ровное дыхание спящего Иоанна.

«Спит, – с нежностью подумал Прохор. – Спит мой дорогой Учитель. Вот и, слава Богу! Пусть отдыхает, он так намаялся за день».

Затем он извлёк из стоящей в изголовье сумы рукопись Евангелия и углубился в чтение.

В открытое окно ярко светила полная луна. Воздух был пропитан запахами ночных фиалок; звенящие трели цикад слышались из различных уголков огромного, тихо шелестящего листвой сада тестя игумена Лаврентия.

Погрузившись в чтение, Прохор не услышал, как скрипнула входная дверь и в дверном проёме появилась фигура, закутанная в чёрные одежды.

Низко опущенный капюшон почти полностью скрывал лицо непрошенного гостя.

Незнакомец приблизился к сидящему на полу Прохору и положил ему на плечо свою руку бледно-мертвенного цве-

та. Прохор, вздрогнув от неожиданности, повернулся к гостю и спросил его с удивлением:

– Кто ты такой, ночной посланник? Я не помню тебя среди слуг и домочадцев Мирона.

– Меня зовут Уриэль, – тяжёлым, низким голосом ответил незнакомец, – но я думаю, что моё имя не скажет тебе ничего. Я послан моим повелителем с тем, чтобы забрать у тебя третий свёрток Иоанна.

– Это невозможно по двум причинам. Во-первых, свёртка здесь нет, он спрятан в тайном месте. А во-вторых, я могу ознакомить с его содержанием лишь тех, кого назвал мне мой Учитель. Как зовут твоего хозяина? Назови мне его имя.

Ткань капюшона колыхнулась, и Прохор смог увидеть в свете луны зловещую ухмылку на бледном лице Уриэля:

– Мой повелитель является хозяином мира, в котором живут все тварные создания, в том числе и ты. И мир сей пребывает во тьме. У властелина мира, Архангела тьмы, много имён, но что тебе в них, жалкий червь? Поклонись моему хозяину и незамедлительно исполни его указ.

– Я поклонюсь Отцу Нашему, Богу Единому, – ответил Прохор зазвеневшим от волнения голосом. – Нет, и не будет для меня других богов, пока я жив. Уходи прочь, посланник Сатаны!

Вновь зловещая улыбка мелькнула на лице Уриэля:

– Ну что же, ты сделал свой выбор, Прохор. И в эту ночь я предрекаю тебе страшный конец. Знай, что я обязательно

лично явлюсь взглянуть в твои глаза, когда тебя будут убивать слуги господина моего в Антиохии. – С этими словами Уриэль повернулся к двери и исчез в темноте.

Прохор медленно подошёл к окну, взглянул на усыпанное звёздами небо, поднял вверх и зашептал с мольбой в голосе.

– Господи, укрепи меня в вере моей! Пусть не оскудеет она в испытаниях перед тем, что люди почитают злом. Помню слова Твои, Господи, в саду Гефсиманском, и тоже прошу Отца Нашего, чтобы пронёс чашу сию мимо меня. Но не моя, а Твоя воля да будет!

Мне ещё бывает порой страшно, и я боюсь физической смерти, но я верю, я верю, Господи, что Бог есть Любовь, и нет в Нём никакой неправды, и смерть будет побеждена жизнью, и...

Тихий голос остановил его: «И побеждающий не потерпит вреда от второй смерти!»

Прохор резко обернулся и увидел стоящего у двери Иоанна с лучезарной улыбкой на лице.

– Учитель мой! – бросился к нему на шею прослезившийся Прохор.

Через двенадцать лет после событий этой ночи Прохор был растерзан толпой разъярённых еретиков в Антиохии.

Глава 3. ОСТРОВ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Ноябрь 1816 года, остров Святой Елены, Лонгвуд – резиденция находящегося в ссылке бывшего французского императора Наполеона.

Сегодняшний день император пребывал в приподнятом настроении.

Накануне вечером его в очередной раз посетила Бэтси Балкомб, прелестное юное создание, не на шутку сумевшее разбередить сердце старого ловеласа. В доме её отца и проживал Наполеон первый год своего заключения на острове. И теперь, возвращаясь в свой одноэтажный домик, спрятанный за каменным забором на продуваемом всеми ветрами, заросшем низким кустарником скалистом утёсе, император радостно улыбался, вспоминая большие, широко открытые глаза Бэтси и кокетливо оттопыренную, по-детски розовую нижнюю губку.

Празднично одетый в ярко-зелёный костюм, Наполеон на всём скаку, как в молодые годы, резко осадил перед крыльцом вороного жеребца, и старый слуга помог ему слезть. Вслед за ним спешил его секретарь – граф Эммануэль Огюст де Лас-Каз, безропотно последовавший в ссылку вместе с императором. Ростом ещё меньше, чем Наполеон, он, тем не менее, проворно передвигался за своим господином, семена коротенькими ножками.

– За вами не угнаться, сир. Вы явно пребываете в отличной форме со вчерашнего вечера.

– Да, любезный друг, я и сам внезапно ощутил необычный прилив сил после общения с Бэтси, – сказал Наполеон, направляясь в гостиную. – Эта молоденькая плутовка сумела заставить меня почувствовать себя молодым мужчиной.

– Ах, сир умоляю вас, будьте осторожны с юными красавицами! Берегите своё сердце от излишних нагрузок. – Быстро перебирая ногами, спешил за императором его преданный помощник.

После обеда Наполеон уединился на два часа в своём кабинете, намереваясь поработать с документами. Затем он вызвал к себе графа Лас-Каза, и, усадив его в кресло перед маленьким столиком, заваленным какими-то документами, император внезапно спросил его:

– Скажите, граф, могли бы вы исполнить ещё одну мою просьбу, помимо той, что связана с передачей писем в Париж?

– Разумеется, сир. Приказывайте!

– Волей Провидения в мои руки попал очень важный документ, который мне передал в 1796 году мой адъютант Мюирон.

– Мюирон? Тот, что погиб, прикрывая вас своим телом на Аркольском мосту?

– Он самый. За день до своей гибели Мюирон принёс мне рукопись и просил беречь её как зеницу ока. По его словам,

этот документ, случайно попавший к нему, датирован I веком нашей эры и содержит в себе сенсационные сведения, которые могут произвести переворот в сознании всех христиан и христианских конфессий.

Лас-Каз изумлённо откинулся на спинку кресла:

– И кем же был написан сей документ? И какую страшную тайну хранит он?

Наполеон развёл руками:

– К сожалению, установить автора пока не представляется возможным. Мюиرون считал, что послание было написано одним из апостолов, близких к Христу. По мнению моего покойного адъютанта, в рукописи сокрыт ключ понимания не только Нового, но и Ветхого Завета. Он успел при жизни перевести на французский язык две-три страницы рукописи и говорил мне, что Библия требует иного понимания и истолкования, нежели предлагает нам современная Церковь, и что аллегорический, символический язык Писания скрывает Божественное Откровение. Проблема заключается в том, что на этом проклятом острове нет ни одного человека, владеющего древнееврейским и арамейским языком, а документ, по всей видимости, написан на одном из них. – Наполеон сделал паузу. – И я хочу, чтобы вы, мой друг, лично доставили эту рукопись во Францию.

– Будет исполнено, сир. Позвольте спросить вас: почему вы выбрали для поездки на родину именно меня? Признаюсь, я не хотел бы покидать вас...

Наполеон, засунув руку за борт мундира, медленно обошёл вокруг стола, о чём-то размышляя. Потом он резко остановился напротив графа Лас-Казы и, пронизывая его насквозь маниакально расширенными глазами, сказал тоном, не терпящим возражений:

– Во-первых, потому что я доверяю вам, граф. А во-вторых, внутренний голос подсказывает мне, что вы скоро будете вынуждены покинуть этот остров и в недалёком будущем окажитесь в Европе. Вы ведь верите в мой дар предвидения различных событий, граф, не так ли?

Лас-Каз угодливо кивнул головой: «Конечно, сир. Все знают о ваших уникальных способностях».

– Прекрасно. – Бывший император подошёл к своему бюро и, открыв ключом замок, достал из потайной секции цилиндрический футляр, завернутый в вощёную бумагу и скреплённый личной печатью Наполеона. – Возьмите, любезный друг, и сохраните рукопись до возвращения во Францию. Возможно, это и в самом деле бесценный документ...

– А это письмо, граф, – Наполеон извлёк из кармана мундира вчетверо сложенный лист бумаги, – я прошу вас сегодня же вручить Бэтси Балкомб.

– Да, сир. Разрешите идти? – Граф откланялся и направился к выходу.

Наполеон, стоя у окна и наблюдая, как отъезжает из резиденции уверенно сидящий в седле граф Лас-Каз, промолвив, глядя на клонящееся к закату солнце:

– Странно, но меня не покидает ощущение, будто я только что совершил очень важный в своей жизни поступок. Возможно, один из самых главных... И я жалею лишь об одном: я никогда не узнаю того, что скрыто в этом свёртке...

Бетси приветливой улыбкой встретила курьера бывшего императора и, усадив графа в прохладной гостиной выпить чашку кофе, удалилась в свою спальню с тем, чтобы написать ответ пылкому корсиканцу.

Прежде чем уйти, юная кокетка представила Лас-Казу находившегося в гостях у Балкомбов представителя ордена иезуитов: темноволосого мужчину 40—50 лет с приятными чертами лица, в чёрной рясе.

– Извините, не расслышал вашего имени, святой отец, – полюбопытствовал граф у своего нового знакомого, после того как они остались вдвоём.

– Ксафан. – Голос мужчины оказался неожиданно низким для его внешности.

– Что привело вас на этот Богом и людьми забытый остров?

– Неустанная служба Господу Богу. Наш орден располагает сведениями о том, что на острове Святой Елены находятся в руках частных лиц оригиналы рукописей одного из апостолов Христа. И Папа Пий дал указание ордену срочно разыскать их и доставить в Рим. Вы могли бы, граф, оказать неоценимую услугу ордену и лично Папе, посодействовать нам в этих поисках? Надеюсь, понимаете...

Ксафан замолчал и впился глазами в лицо Лас-Каза —... что оказание помощи Церкви является святым долгом каждого истинно верующего прихожанина и Бог сторицей воздаст за это...

Иезуит пристально и выразительно посмотрел на графа: «И напротив, Он жестоко покарает противников святой Церкви».

– Вот это да! Поразительно! – щёлкнуло в голове графа. – Он что-то знает или это случайное совпадение?

– Я, разумеется, готов оказать и лично вам, и Папе всяческую поддержку в решении этого вопроса, – с трудом скрывая изумление и неожиданно зародившийся в душе страх, ответил Лас-Каз, – но, к моему глубочайшему сожалению, пока мне ничего не известно о каких-либо библейских документах. Я постараюсь навести соответствующие справки через моих доверенных людей на острове. Давайте вернёмся к этому разговору дней через 7—10.

– Договорились. – Ксафан благодарно склонил голову. – Благодарю вас, граф. Полагаю, что мы свами встретимся в любом случае.

Однако через десять дней после беседы с иезуитом граф Эммануэль де Лас-Каз был ложно обвинён англичанами в тайном пособничестве бывшему императору Франции в попытках возобновления секретной переписки с рядом влиятельных лиц в Европе, в том числе с Люсьеном Бонапартом, и выдворен с острова Святой Елены на мыс Доброй

Надежды.

Стоя на борту отплывающего корабля и наблюдая, как постепенно исчезает в туманной дымке последнее пристанище Наполеона, граф бережно прижимал к груди вручённую ему неистовым корсиканцем бесценную посылку.

Ах, если бы он мог представить, какие удивительные приключения предстоит пережить третьей рукописи Иоанна...

Глава 4. КУРСКАЯ ДУГА

11 июля 1943 года, Курская дуга, деревня Прохоровка, позиции 5-й танковой армии генерала Ротмистрова накануне величайшего танкового сражения.

В блиндаже разведбатальона идёт допрос пленённого ночью офицера дивизии СС «Рейх» гауптмана Пауля фон Крюгера.

Командир разведбатальона майор Бобров с красными от бессонницы глазами нервно расхаживает из угла в угол.

– Спроси его ещё раз, – обращается Бобров к переводчику, старшему лейтенанту Белокопытову, – какими силами, когда и где думают наступать немцы. Объясни этому чёрту бестолковому, что от ответа на эти вопросы будет зависеть его жизнь.

Белокопытов устало поправил сползающие на нос очки и расстегнул верхнюю пуговицу мундира:

– Я уже говорил ему, товарищ майор. Он твердит, что не будет отвечать на подобные вопросы...

Бобров, окончательно потеряв терпение, подскочил к пленному немцу и прокричал ему прямо в лицо:

– А ты понимаешь, дубина стоеросовая, что мы тебя сейчас расстреляем? Переведи ему, Белокопытов. Скажи, что нам некогда с ним долго возиться...

Выслушав переводчика, фон Крюгер побледнел, но, тем

не менее, ответил твёрдым голосом, стараясь сохранить на лице презрительную улыбку.

Белокопытов перевёл:

– Он говорит, что готов к смерти. Предателей в роду фон Крюгеров никогда не было.

Поморщившись от досады, Бобров раздражённо махнул рукой:

– Чёрт с ним! Пусть будет так! Выведите его из блиндажа и расстреляйте.

В это время склонившийся над столом старшина Храмов, внимательно изучавший содержимое изъятых у пленного эсэсовца вещей, поднял голову и, держа в руках продолговатый свёрток, обёрнутый в бумагу, обратился к Боброву:

– Товарищ майор, похоже, здесь какие-то документы... Или карта...

Издав гортанный, нечленораздельный крик, фон Крюгер сделал шаг вперёд, протягивая к свёртку руки, но, получив от конвоира удар прикладом по голове, свалился на пол.

– Что это он так разволновался? Ну-ка, приведи его в чувство, лейтенант. А ты, старшина, открой этот свёрток, только аккуратнее. Давайте посмотрим, что этот фриц с собой таскал... – С этими словами Бобров сел за стол и подвинул к себе поближе керосиновую лампу.

Пока Белокопытов с конвоиром приводили в чувство потерявшего сознание немца, Бобров и старшина успели открыть свёрток. Бобров изумлённо всплеснул руками:

– Мать честная, это по-каковски же написано? Белокопытов, подойди сюда быстро!

Белокопытов взглянул на свёрнутые в рулон листы бумаги, испещрённые письменными знаками:

– Не могу знать, товарищ майор. Я в школе и в институте немецкий язык изучал. А здесь похоже на грузинский или арабский.

– Фриц-то, смотрите, уже очухался, – заметил старшина, – он наверняка знает, что там написано.

– Да, верно, – отметил Бобров. – Давай-ка, лейтенант, спроси его, что это за документ. Может быть, какая-то тайнопись или шифр специальный. Тогда направим на дешифровку нашим ребятам, они до правды докопаются. Быстро, лейтенант, время поджидает.

После короткой беседы с пленным офицером Белокопытов подошёл к начальнику разведбатальона:

– Товарищ майор, немец утверждает, что документ написан на древнееврейском языке и содержит в себе пояснения к одному из Евангелий, вероятнее всего, к Евангелию от Иоанна. Бумага древняя и представляет, по его словам, исторический и религиозно – культовый интерес. Рукопись попала к нему в руки во Франции. С тех пор он искал удобного случая, чтобы вручить её помощнику по вопросам религии рейхсфюрера Гиммлера или лично Гиммлеру. Однако их батальон был внезапно переброшен в Россию, и удобный случай не представился. Очень просит сохранить эти мате-

риалы и не уничтожать их.

– Вот оно что, – разочарованно буркнул Бобров. – Религиозный мусор, опиум для народа. Только этого нам не хватало. Надо сжечь их к чёртовой матери! Хотя... стоп, давай всё-таки проверим их. Вдруг немчура заливаает. Слушай, Белокопытов, у вас во второй роте есть еврей, сержант Стельмах, зовут его Борис. Борух по-ихнему.

– Так точно, товарищ майор, есть такой.

– Позвать его сюда срочно.

– Есть, товарищ майор. А что прикажете с пленным делать?

– Расстрелять. Один чёрт, от него толку не добьёшься. А лишняя обуза нам перед боем не нужна.

Белокопытов, взяв конвоира, вышел из блиндажа вместе с фон Крюгером. Через две минуты раздалась сухая автоматная очередь.

Вскоре в блиндаже появился запыхавшийся сержант Стельмах, среднего роста, на вид 35—40 лет, с характерной семитской внешностью и большими, чуть выпуклыми печальными глазами.

– По вашему приказанию сержант Стельмах...

– Садись поближе, сержант, – нетерпеливо прервал его доклад Бобров. – Помоги нам быстренько разобраться с этими документами. Мы изъяли их у эсэсовского офицера, который утверждал, что они якобы написаны на еврейском языке. Ты, надеюсь, родной язык не забыл?

– Никак нет, товарищ майор. Разрешите взглянуть? – Стельмах протянул руку к свёртку.

– Да, конечно, смотри, сержант. А я пока свяжусь с генералом.

– Бобров отошёл к стоящему в углу телефонному аппарату.

Стельмах осторожно взял в руки первый лист рукописи и стал пытливо вглядываться в пожелтевшую от времени страницу, что-то шепча про себя, наморщив лоб и смешно шевеля оттопыренными толстыми губами.

Бобров, закончив доклад руководству о проделанной работе и получив дальнейшие указания, подошёл к столу и, потрепав Стельмаха по плечу, спросил:

– Ну что там у нас получается?

– Судя по всему, товарищ майор, это написанные на древнееврейском языке фрагменты земной жизни Христа и какие-то пояснения к ним. Вот например: «Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает, а принимающий Меня принимает посланного Меня...» Дальше: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня...» – не очень разборчиво... Иисус отвечал: «Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам...»

– Тфу ты, мать твою... – выругался Бобров. – Библейские сказки про Христа. И чего это так покойный фриц из-за них кипятился? Послушай, сержант, возьми бумаги с собой. На досуге почитаешь. Завтра в бой, бой тяжёлый. Наша за-

дача – сломать фашистам их танковый хребет. Задача, прямо скажем, непростая. Но мы должны это сделать, браток...

Командир неожиданно подошёл к Стельмаху, обхватил его за плечи и встряхнул.

– Понимаешь, сержант? Должны! А эти религиозные листовки потом считаешь. И если что-нибудь найдёшь интересное – доложишь. В противном случае ка ненужную на войне и потому вредную литературу уничтожишь. Всё понял?

– Так точно, товарищ майор. Разрешите идти?

– Ступай. И постарайся поспать хоть немного. Завтра будет трудный день.

Вернувшись в свою землянку, Стельмах доложил о возвращении командиру взвода лейтенанту Смирнову.

– Зачем вызывали-то? – поинтересовался взъерошенный со сна и немного опухший Смирнов.

– Комбат просил разобраться в церковных бумагах, написанных на древнееврейском языке. Их нашли у пленного немца. Его расстреляли час назад, а документы мне передали. Приказали прочитать и доложить.

– И что в них?

– Вроде записки о Христе, оставленные кем-то из Его учеников.

– А-а... – широко зевнул и потянулся Смирнов. – Я-то думал, что-нибудь серьёзное... Ты давай, Борис, разбирайся, а заодно и подежуришь в землянке. Часика через два меня

растолкай.

Свет керосиновой лампы мерцал, создавая загадочные, колдовские отблески на неровных стенах и искажая фигуру сидящего за столом Стельмаха, медленно, по слогам читающего текст рукописи.

Сержант настолько был увлечён содержанием документа, что не заметил, как начал разговаривать сам с собой:

– «Кого я пошлю...» Но Иисус посылает только одного ученика – Иуду. Что же выходит? Принимающий Иуду принимает Бога? Невероятно, просто невероятно... «И сядете вы на двенадцать престолов Израилевых...» Выходит, и Иуда тоже?.. «Из тех, из двенадцати, я никого не погубил». Никого, значит...

Перевернув несколько страниц, читает дальше:

– «Пять хлебов – это тайна учения Христа, а пять тысяч мужей – это те внутренние духи человеческие, кому дано знать тайны Царства Божьего...» – Стельмах вытер ладонью вспотевший лоб и продолжил: – «Семь хлебов – это учение Христа, понимаемое буквально как закон, как буква, как плоть Слова, но не дух... Четвёрка – это наш мир, Вселенная... Две рыбы – мудрая святость, 12 – число преображения...»

Стельмах удивлённо захлопал пушистыми ресницами и озадаченно почесал переносицу: «Значит, в первом случае Иисус дал тайну учения и мудрую святость мужьям, духам человеческим, и произошло преображение, а во втором –

дал миру букву или плоть учения, и осталась буква закона... Вот это да...»

Смирнов со стоном повернулся на правый бок и забормотал во сне, невнятно выговаривая слова с ненавистью и злобой, и вдруг сорвался на крик высоким, надломленным голосом:

– Стреляйте, сволочи, стреляйте! Всех вас ненавижу! Подонки, убийцы...

Стельмах взглянул на часы и ахнул: «Зачитался...»

Подбежал к топчану, потряс за плечо командира взвода:

– Вставайте, товарищ лейтенант, вставайте! Пора!

Смирнов отрыл глаза, в которых ещё читались страх и ненависть, вздохнул протяжно и спросил:

– Опять я во сне кричал, сержант?

– Совсем немного, товарищ лейтенант.

– Это у меня после июля сорок первого, – устало пояснил Смирнов. – Наш батальон тогда попал под бомбёжку. Уцелел я и ещё шесть человек. Все остальные превратились в кровавое месиво, ни одного целого тела. Руки, ноги, головы, куски мяса, ключья одежды... С тех пор я и кричу по ночам. Ладно, сержант, ложись, отдохни, а я пойду караулы проверю.

Он застегнул гимнастёрку и, взяв каску, медленно вышел из землянки.

Стельмах аккуратно обернул рукопись куском нижней рубахи и убрал её в вещмешок. Затем, позёвывая в кулак и ощущая усталость во всём теле, подошёл к углу землянки

и, бросив на пол шинель, сделал шаг вперёд, вытягивая перед собой руки, и словно провалился в темноту.

Открыв глаза, он с удивлением обнаружил себя одиноко бредущим по ночной дороге в пустынной, скупо освещаемой луной, незнакомой ему местности.

«Это, видимо, сон, – подумал Борис. – Ну да, сон. Иначе быть не может. Не сошёл же я с ума?»

Дорога была каменистой, и звуки его шагов гулко раздавались в ночной тишине. Взглянув на ноги, он с удивлением увидел на них деревянные сандалии. Из одежды на нём была только светлая, до пят, холщовая рубаха.

Луна внезапно величаво вышла из-за туч и ярко осветила большой, высотой в три человеческих роста, белый краеугольный камень, стоящий впереди на развилке дорог. Стельмах с опаской, осторожно подошёл к нему поближе, но тут луна снова спряталась в облака.

Темнота быстро сгустилась вокруг камня, став вязкой и чёрной, как смола. Борис почувствовал зарождающийся в нём животный страх, который огромной холодной змеёй стал медленно вползать в его душу.

И вдруг из темноты он услышал голос:

– Слушай внимательно меня, Борис, и не вздумай перебивать. Это перекрёсток твоей жизни...

Говорящего не было видно, но Стельмах физически ощущал его близость и силу, парализующую человеческую волю.

...И если ты выберешь неверный путь, то погибнешь...

Но ты должен доверять мне, – в голосе появились вкрадчивые нотки, – и сделать всё, что я тебе скажу. Если ты хочешь спасти свою душу...

– Кто ты? Покажись мне, выйди на свет! – крикнул Борис со страхом.

– Я твой ангел-хранитель, – прошептал ему голос в самое ухо.

Из мрака выступила мужская фигура в тёмных одеждах со сложенными за спиной чёрными крыльями.

– Что ты хочешь от меня? Что тебе надо? – в испуге отшатнулся от ангела Стельмах.

– Сущий пустяк. – Голос стал обволакивающим и притупляющим бдительность. – Ты должен уничтожить третью рукопись известного еретика, попавшую в твои руки. Ту, которую ты хранишь в своём вещмешке.

– Почему я должен сделать это? В немногих прочитанных мною строках сквозит здравый смысл и логика...

– Вот видишь, и ты попал в сети, расставленные этим опасным безумцем, – гневно прорычал голос. – Но я не отдам тебя ему так легко. Ты спрашиваешь, почему ты должен сделать это? Потому что ты должен помочь миллионам человеческих душ, идущих в ад прямым путём!

– Смотри! – Чёрный Ангел взмахнул складками своего одеяния, и перед глазами потрясённого Стельмаха отрылась уходящая вдаль и упирающаяся на горизонте в стену пылающего огня дорога.

По дороге, словно слепые, с вытянутыми вперёд руками шли нескончаемым потоком тысячи и тысячи людей. Вопли и стенания донеслись до Бориса из движущейся толпы.

– Открою тебе тайну, Борис, – вновь прошептал ему в ухо Ангел. – Библейские события никогда не прекращались и не прекратятся, пока существует Вселенная. Человеческая душа – это огромный театр, где всё происходит в той или иной последовательности, каждый миг, каждый час, каждый день. Снова и снова отрубается голова Иоанна Крестителя, насыщаются пятью хлебами пять тысяч мужей, Иисус превращает воду в вино, оживляет мёртвых, предаётся Иудой, всходит на Голгофу...

Христос был прав, говоря о том, что «широки врата, ведущие к погибели, и многие идут им...» Посмотри на эти несчастные человеческие души! Они скорбят и мучаются, ожидая твоей помощи. Ты должен спасти для них плоть Иисуса! Не дай распять для них облик земного Христа!

Ошеломлённый натиском собеседника, Борис едва успел произнести: «Что-то я не понимаю...» – Как Ангел, раскрыл свои крылья и, поднеся их к лицу сержанта, приказал:

– Закрой глаза!

Борис закрыл глаза и ощутил, что он перемещается куда-то в пространстве с чудовищной быстротой, и, не успев даже испугаться, вновь услышал слова Ангела:

– Открой глаза и внемли!

Открыв глаза, Борис увидел, что он очутился в толпе лю-

дей, пёстро и разношёрстно одетой, быстро передвигающейся по узкой, вымощенной камнем улочке какого-то старинного восточного города. Лица людей были искажены злобой и ненавистью. Они что-то кричали на показавшемся Борису знакомом языке и яростно размахивали руками. И вдруг до него дошёл смысл их слов.

Толпа кричала: «Распни его! Распни его!»

Пока Борис пытался сообразить, где он находится и что происходит, людская река внесла его в маленький дворик, посреди которого на деревянном помосте лежал обнажённый человек со связанными руками. Свистел бич палача, оставляя на теле несчастного глубокие кровавые раны.

Толпа неистовствовала: «Смерть Царю Иудейскому! Распять его, распять...»

«Тридцать девять», – сказал судья, и свист бича прекратился.

И тут неожиданно Борис оказался вместе с чёрным Ангелом перед помостом, забрызганным кровью истязаемого человека.

– Посмотри на него! Ты ведь узнал Его, правда? – Ангел схватил Стельмаха за руку и подтащил его вплотную к неподвижно лежащему на помосте телу. – Знай, что я не хочу Его смерти! Напротив, я хочу спасти плоть Христа от распятия. Теперь ты веришь мне? Я желаю, чтобы Его плоть вечно жила в душах и сердцах людей! Ты сделаешь то, что я прошу тебя?

С уст Бориса уже готовы были сорваться слова: «Да, я исполню твою просьбу», – но, прежде чем он успел открыть рот, неподвижно лежащий человек вдруг пошевелился, с трудом поднял голову, и на Стельмаха взглянули глаза, выражающие неземную любовь, искренность и чистоту.

– Не верь ни одному слову слуги Сатаны, – прошептал Он, – пусть во всём исполнится воля Отца Моего. Так надо, Борис... – и уронил голову.

– Каков же будет твой ответ? – трубно прокричал чёрный Ангел.

Порыв ветра сорвал капюшон с него, развернул лицом к Стельмаху, и Борис впервые увидел своего ночного спутника в истинном обличье.

Пустые, мёртвые глаза на бледном лице демона-убийцы, скошенный лоб, беззубый рот, зловещая улыбка.

– Получается, что Богу была необходима смерть Иисуса на кресте. Он что-то хотел показать нам всем этой казнью... Пстой, но ведь Христос сказал о Себе: «Я есмь путь». Его смерть – это путь? Господи, ну конечно же...»

И, собрав все силы в кулак, выкрикнул Борис: «Мой ответ – нет! Тысячу раз нет!»

– Глупец! Жалкий глупец! Разве ты не видишь, что Он не в себе, Его нельзя сейчас слушать! – закричал демон.

Но затем, сразу же почувствовал непреклонность Стельмаха, ухмыльнулся: «Ну хорошо, будь по-твоему. Выбор сделан, солдат! Но уже сегодня ты пожалеешь о своих словах!»

– Всё равно нет, нет, нет... – зашёлся в крике сержант, – нет, нет!

– Боря, проснись, вставай! Проснись же... – Тряс его за рукав склонившийся над ним лейтенант Смирнов. – Ты, брат, похоже, от меня дурной пример берёшь... Во сне кричать начинаешь... Однако нам пора, сержант!

Стельмах, схватил в дрожащие руки автомат, каску и сумку с боеприпасами, направился к выходу из землянки. Сердце его бешено колотилось в груди после пережитого во сне. Увидев в траншее медсестру Машеньку Сеницыну, Борис внезапно остановился возле неё и сбивающимся от волнения голосом произнёс:

– Машенька, хочу вас попросить о большом одолжении...

Девушка удивлённо взглянула на Стельмаха: «Что-то случилось, Борис? Вам, кажется, нехорошо?»

– Нет, нет, всё в порядке, – перебил её сержант и, понизив голос, почему-то доверительно перешёл на «ты».

– Понимаешь, сестрёнка, меня терзают плохие предчувствия. Сердце щемит, и... сон какой-то страшный приснился... Если меня... Одним словом, если со мной что-нибудь случится сегодня, передай, пожалуйста, мои личные вещи и документы в Ленинград, жене и сыну. Очень тебя прошу, сделай это, милая. Адрес у меня в мешке остался...

– Хорошо, хорошо, я всё сделаю. Только я думаю, что в этом не будет необходимости. Вы вернётесь домой и сами увидите вашего сына, и всё будет хорошо... Вы должны ве-

ритель в это, Борис...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.